

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ¹

© 2013 г. В. В. Знаков

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии РАН, Москва*

Представлены результаты подведения предварительных итогов формирования психологии человеческого бытия, возникшей на основе психологической концепции субъекта А.В. Брушлинского. Описаны пять компонентов структуры этой области психологической науки и ее основные методы – нарративный и тезаурусный способы понимания событий. Выявлена важная роль экзистенциального опыта субъекта, описана его трехкомпонентная структура и метасистемная организация. Приведены результаты исследований понимания субъектом критических событий человеческого бытия.

Ключевые слова: А.В. Брушлинский, психология субъекта, психология человеческого бытия, понимание, экзистенциальный опыт.

В течение последнего десятилетия творческое наследие А.В. Брушлинского, его идеи интенсивно и плодотворно развиваются в трудах его учеников и последователей. На основе психологии субъекта А.В. Брушлинского Е.А. Сергиенко сформулировала принципы системно-субъектного подхода, получившего эмпирическое обоснование в работах ее учеников [18]. Н.Е. Харламенкова анализирует идеи об активности и парадоксах развития субъекта [20]. В Кубанском государственном университете З.И. Рябикина и ее коллеги уже много лет проводят исследования с позиций субъектно-бытийного подхода к личности [15]. В Смоленском государственном университете В.В. Селиванов с учениками изучает мышление в личностном развитии субъекта [17]. В Санкт-Петербургском государственном университете Н.В. Гришина развивает ситуационный подход к человеку как субъекту жизни [5]. В Саратовском государственном университете Р.М. Шамионов проводит психологический анализ субъекта и личности в процессе социализации [22]. В Южном федеральном университете В.А. Лабунская разрабатывает психологический портрет субъекта затрудненного общения [10].

Цель статьи – проанализировать предварительные итоги и перспективы еще одного направления

психологической науки, возникшего на основе психологии субъекта А.В. Брушлинского, – психологии человеческого бытия [6].

СТРУКТУРА И ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Теоретическая и эмпирическая разработка психологии человеческого бытия осуществляется как формирование и развитие новой области психологического знания. В этой области психологической науки человеческое бытие рассматривается с точки зрения многомерности мира, наличия трех уровней действительности, соотношенных со способами существования людей [7].

Структура психологии человеческого бытия определяется научными представлениями психологов, во-первых, о том, какую реальность (эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную) в данный момент имеет в виду человек, оказавшийся объектом и субъектом психологического исследования. Во-вторых, какой домен социального знания (морального, конвенционального или персонального [25]) наиболее целесообразно использовать для описания ответов и невербальных реакций испытуемого. В-третьих, в рамках какой традиции исследования психики – когнитивной, герменевтической или экзистенциальной – осуществляется психологический анализ мыслей, переживаний, поступков людей.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-06-00087).

В-четвертых, каждой традиции соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания выражают *способы освоения бытия* понимающим мир субъектом. Наконец, в-пятых, трем типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний людей в коммуникативных ситуациях.

В итоге получается, что для описания психологии субъекта, осмысливающего факты эмпирической реальности, целесообразно использовать преимущественно (как это может ни показаться парадоксальным на первый взгляд) моральный домен социального знания (обоснование этого положения см. в [7]). При этом психологи ориентируются, прежде всего, на когнитивную традицию, понимание испытываемым проблем и т.п. по типу понимания-знания и пытаются оценить истинность его ответов (например, на вопрос о том, является ли Рим столицей Испании). Применительно к социокультурной реальности целесообразна научная ориентация на конвенциональное знание, герменевтическую традицию, понимание-интерпретацию и оценки правильности высказываний. Анализ психологии субъекта в экзистенциальной реальности предполагает экзистенциальную традицию исследования, ориентацию на персональное знание, понимание-постижение и оценки правдивости.

Предметом психологии человеческого бытия являются смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотносимость получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о должном. В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются события, ситуации. Имеются в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия раскрывает новые источники формирования субъектности человека. При макроаналитическом

методе познания психического (А.В. Брушлинский) ситуации и события рассматриваются как интегративные единицы психологии человеческого бытия. Во-первых, их отличительной особенностью является смысловая насыщенность и ценностная значимость для субъекта. Во-вторых, характеристика событий и ситуаций в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта.

МЕТОДЫ: НАРРАТИВНЫЙ И ТЕЗАУРУСНЫЙ СПОСОБЫ ПОНИМАНИЯ

В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и другие. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании отражения субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и порождения, конструирования им новых реальностей. Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в нарративном принципе и тезаурусном подходе к субъектной организации гуманитарного знания [11].

В 2005 г. на русском языке была опубликована принципиально важная для развития методологии гуманитарного познания работа Дж. Брунера “Жизнь как нарратив” [2]. В 2007 г. М.Н. Эпштейн творчески развил идеи нарративного подхода и описал два возможных способа жизнеописания человека в статье “Жизнь как тезаурус” [23]. К этому времени в российской науке тезаурусный подход стал рассматриваться как новая парадигма субъектной организации гуманитарного знания [11]. Отличие тезаурусного построения знания от нарративного заключается в том, что “если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус – ее *картину*” [23, с. 49]. При тезаурусном понимании субъект отвечает себе на вопросы, отличные от вопросов при нарративном способе понимания: они направлены не столько на выяснение того, что произошло и как именно это происходило, сколько на то, *что это значило*

для понимающего, какие субъективные смыслы и ценности актуализовались.

Перечислю отличительные признаки тезаурусного и нарративного способов понимания субъектом себя и мира.

Тезаурус – именно потому субъектная характеристика организации индивидуального знания, что оно получено в результате избирательной *активности* субъекта. При тезаурусном понимании сначала актуализуется то, что уже было предметом осмысления и понимания, то, что имеет для субъекта определенную ценность. *После этого* внимание переключается на новое, то, что еще только нужно осмыслить и понять. В тезаурусе элементы связаны не логическими отношениями, а *ценностно-смысловыми*. Ценностно-смысловые ориентации выражают направленность индивидуального или группового субъекта на такие значения и смыслы, образцы поведения, моральные и социальные нормы, которые он считает позитивно значимыми, благими, правильными [11]. В тезаурусе принцип организации знаний не упорядоченный алфавитный, а *тематический*, и потому, на первый взгляд, может показаться хаотичным. В тезаурусном понимании событий нередко ведущую роль начинают играть *эмоциональные переживания* понимающего субъекта, возникшие у него в результате включения содержания понимаемого в прошлый экзистенциальный опыт. В построении тезауруса большую роль играют *ассоциации*. Тезаурусное понимание проявляется в склонности субъекта не к последовательному воспроизведению событий так, как они происходили, а к актуализации хотя и целостной, но мозаичной “импрессионистической” картины, состоящей из фрагментов. В тезаурусе тесно переплетаются и даже наслаиваются друг на друга *прошлое, настоящее и будущее*.

Итак, тезаурусное понимание основано на активности субъекта, его избирательной ценностно-смысловой направленности, фокусе на тематическом содержании, ассоциативных и эмоциональных отклонениях от главной темы, культурной обусловленности структуры знаний, служащих основанием понимания, и большом временном масштабе, в котором рассматриваются понимаемые события.

Нарративный принцип [16] выражает, прежде всего, способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в такую непротиворечивую последова-

тельность событий, которая представляет собой связную и законченную историю. История описывается с начала до конца и отвечает на вопросы: “что произошло?” и “как все это было?”. Причем для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации, т.е. один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляющийся в том, что он видит и как излагает историю.

Нарративное понимание основано на убеждении субъекта в том, что любую ситуацию человеческого бытия можно интерпретировать *многими* способами. Это следствие обоснованного сомнения в существовании “объективных”, независимых от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. При нарративном понимании субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в повествовании присутствовал *смысл* движения (связанность или последовательность) и *цель* или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее *правдоподобным*. Описание событий безотносительно цели повествования не создает ни у рассказчика, ни у слушателя чувства адекватности повествования. Главная задача повествователя – развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, т.е. постоянно иметь в виду цель рассказа. Нарративное понимание *диалогично*, оно всегда предполагает наличие понимающего субъекта: такие термины, как “рассказчик” и “слушатели”, создают ложную картину разделения на активного повествователя истории и пассивную группу реципиентов. В действительности слушатели всегда в каком-то смысле являются соавторами [24]. Нарративная *сложность* понимания проявляется во включении людьми в свои жизненные истории более разнообразных типов сюжетов.

Таким образом, результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко логически противоречиво. В отличие от этого, нарративное понимание событий человеческого бытия основано на какой-либо одной принятой субъектом версии происходящего. Оно целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно.

ТРЕХКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА СУБЪЕКТА

Методология развития психологической науки XXI в. характеризуется становлением нового этапа психологического познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена экзистенциального опыта – индивидуального и надличностного. Психология человеческого бытия рассматривает категорию опыта как краеугольный камень субъектного подхода. Экзистенциальный опыт осуществляет ценностно-смысловую регуляцию, направляет весь ход жизни человека. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

В мире человека есть множество событий и ситуаций, не дающих субъекту возможности их истинного или правильного описания. Во многих профессиональных контекстах, например в медицинской этике, субъект может только постичь возникающие проблемы, так как у него нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых их можно решать. Главная проблема при этом заключается в отделении фактов от мнений. Конфликт фактов и оценочных суждений побуждает людей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений. Многие ситуации человеческого бытия, относящиеся к экзистенциальной реальности (террористическая угроза, эвтаназия, пересадка органов и др.), можно лишь постигать, но нельзя понимать по типам понимания-знания или понимания-интерпретации. Например, как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта. Понимание событий в таких областях осуществляется по типу понимания-постижения.

Для современных психологов сложным, но чрезвычайно значимым является ответ на вопрос о содержательной структуре экзистенциального опыта. На основании анализа научной литературы можно прийти к выводу о том, что он состоит, по меньшей мере, из трех составляющих.

Первым компонентом экзистенциального опыта является неявное знание, которое не может легко быть передано другим. Психологам давно известны понятия “скрытого знания”, “молчаливого знания”, “имплицитного знания”. Все они характеризуют принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем. Неявное знание в основном не эксплицировано, не вербализовано, оно включает навыки и умения, которые нам присущи, однако не осознаваемы. С таким знанием психологи имеют дело в самых разных сферах научного исследования и практической деятельности. В частности, в некоторых видах психотерапевтической практики знание возникает в результате не сознательных целенаправленных ментальных операций и действий, а такого личностно-экзистенциального акта, который подтверждает самоценное бытие другого человека [4].

Следовательно, первый компонент экзистенциального опыта – неявное знание – характеризуется недостаточной доказательностью, осознанностью и вербализованностью. Такое знание является частью тезауруса, общей системы знаний субъекта о мире. Тезаурус строится по принципу семантических отношений: смысловой близости, отнесенности знаний к одному семантическому классу, кластеру. Смысл какого-либо знания для субъекта возникает не путем определения понятий, описывающих ту или иную предметную область, а посредством выявления его концептуальных и ассоциативных связей с другими, уже осмысленными ранее знаниями. Опираясь на сказанное выше, первый компонент экзистенциального опыта я условно назову тезаурусным.

Второй компонент экзистенциального опыта – интенциональный. В психике субъекта он представлен интенциональными структурами, определяющими направленность и избирательность индивидуальной психической активности. Непременный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни – переживания. Психический феномен переживания в психологии человеческого бытия является одним из центральных. Это неудивительно, потому что, как правильно заметил А. Лэнгле, переживание представляет собой точку пересечения, соприкосновения внутреннего и внешнего мира субъекта [12]. Переживание – неотъемлемая составляющая опыта. Нашим экзистенциальным опытом становится не любое, а только субъективно пережитое знание.

Наконец, *третий* компонент экзистенциального опыта – этический. Этическую категорию

долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность полного осознания морально должного. Далеко не все моральные правила и нормы осознаваемы. Более того, некоторые из них, по мнению М. Хаузера [21] и других ученых, являются врожденными. Хаузер развивает научные представления, согласно которым во многих случаях основания моральных решений являются неосознанными, интуитивными.

Итак, экзистенциальный опыт субъекта состоит по крайней мере из трех компонентов – *тезаурусного, интенционального и этического*. С необходимостью анализа экзистенциального опыта психологи сталкиваются во многих исследованиях: при изучении феноменов мудрости, надежды, одиночества и др.

МЕТАСИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

С позиций психологии человеческого бытия принципиально важным является различие повседневного (обыденного) и экзистенциального опыта субъекта. Их следует различать, по меньшей мере, по *трем* критериям: 1) наличие или отсутствие в структуре опыта метасистемной организации; 2) ориентация на “субъективный” способ определения самого значимого, ценного для субъекта и на “объективный” выход за содержательные пределы ситуации, абстрагирование от ее конкретных обстоятельств, обобщение; 3) оценка субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных. Рассмотрим эти критерии подробнее.

1. Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является *метасистемным*, это “опыт второго порядка”. Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятия, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные – только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых *изменился его внутренний мир*. Очевидно, что некоторые события приобретают для нас экзистенциальное значение лишь после осмысления, оценки, по-

нимания того, что сначала могло показаться малозначимым и не имеющим непосредственного отношения к нашей жизни. И только рефлексия, сопоставление, умозаключения позволяют осознать не сиюминутный характер, а непреходящий экзистенциальный смысл произошедшего. Например, победа подростка в школьных спортивных соревнованиях может послужить толчком к размышлениям о роли спорта в жизни человека и возможности в будущем стать великим спортсменом.

Из неразрывной связи двух видов опыта следует, что в психологическом исследовании экзистенциальный и обыденный опыт нужно рассматривать как единую систему, причем, по выражению А.В. Карпова, “систему со встроенным метасистемным уровнем” [8]. В содержании системы экзистенциальный опыт “*одновременно является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле – локализованным вне ее*” [9, с. 181]. Системный и метасистемный уровни опыта не могут существовать один без другого. С одной стороны, основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия, *переживания* всего, что с ним связано. С другой стороны, отнесение события к обыденному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, *рефлексии*, сопоставления с другими событиями и ситуациями.

2. Индивидуально-личностный способ отнесения субъектом события к разряду экзистенциальных определяется целостным пониманием ситуации, в которой оно происходит. Понимание ситуации включает переживания и смыслы, имеющие для человека позитивную или негативную ценность. Событие, в частности встреча с крупным ученым, может произвести на кого-то неизгладимое впечатление и стать значимым компонентом экзистенциального опыта. Для других знакомство с этим человеком – хотя и интересный, но все-таки рядовой жизненный эпизод. Например, для меня судьбоносное значение имело научное и личное общение с Б.Г. Ананьевым, А.В. Брушлинским, О.К. Тихомировым, а многие из моих коллег и друзей, прежде всего, вспоминают и называют другие фамилии – В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова. И это нормально с точки зрения психологии понимания, основанной на представлениях об индивидуальных различиях структур личностного знания, с которыми соотносится понимаемое событие или ситуация.

Однако экзистенциальность события определяется не только субъективно-личностными факторами. Экзистенциальное – это всегда выходящее за пределы внутреннего мира субъекта и оцениваемое с системных позиций: я и другие, я и человечество, человек и жизнь, бытие и небытие и т.п. Понимание события как экзистенциального основано на таком абстрагировании от конкретных эмпирических обстоятельств ситуации, которое включает его содержание в духовный мир субъекта, способствует осознанию его непреходящей жизненной ценности. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события (ситуации). Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия.

3. Большую вероятность превращения в экзистенциальные имеют критические события, выходящие за пределы обыденного опыта человека. Естественно, что такие события (неизлечимая болезнь, утрата близких, страх смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы) эмоционально очень нагружены и имеют большие шансы повлиять на внутренний мир субъекта. Однако станет ли событие критическим и экзистенциальным для субъекта, определяется не только перечисленными выше объективными факторами: важную роль играет соотношение объективных жизненных обстоятельств и субъективного восприятия и понимания их как простых, обыденных или сложных, труднопреодолимых. Такое соотношение детально проанализировано в типологии жизненных миров и кризисных ситуаций, разработанной Ф.Е. Василюком. На ее основе проблему классификации событий как критических или обыденных можно сформулировать в категориях соотношений *легкого* или *трудного* внешнего мира и *простого* или *сложного* внутреннего мира людей [4].

КОГНИТИВНОЕ И АФФЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ПОНИМАНИИ СОБЫТИЙ

XXI век начался с глобальных геополитических и религиозных конфликтов. Многие события (карикатуры на пророка Мухаммеда, сожжение Корана и другие) послужили поводами для возникновения негативных эмоций у миллионов людей и острых дискуссий в СМИ. Во многих дискуссиях приводились рациональные объяснения причин

описанных выше поступков. Например, такие: в сентябре 2012 г. по всему миру, в том числе Франции, прокатилась волна протестов сторонников ислама, направленных против создателей фильма “Невинность мусульман”. Реакцией на протесты стала публикация в одном из французских сатирических журналов новых карикатур на пророка Мухаммеда. Французский премьер-министр Ж.-М. Эйро сказал, что не считает эти публикации опасными, потому что французы живут в стране, где защищается право на выражение собственного мнения. В частности, гарантируется свобода публикации карикатур. Ранее президент США Б. Обама объяснил, что оскорбительное для мусульман видео не удалили из Интернета из-за американской конституции, защищающей право на свободу слова. В противоположность этому президент Афганистана Х. Карзай, выступая в ООН, призвал западные страны бороться с исламофобией, заявив о недопустимости попыток оправдать оскорбление религиозных чувств свободой слова. Он сказал, что такие акты никогда не могут быть оправданы свободой слова. В той же степени они не могут послужить поводом для протестов, которые используются для разжигания насилия и хаоса с ужасными потерями невинных жизней.

Ни тот, ни другой аргументы не были услышаны. Они не успокоили мусульман и не остановили беспорядки на почве межрелигиозной вражды. Значит, факты таковы, что во всех этих случаях участники массового возмущения как с самого начала не слушали рациональных доводов, основываясь на плохо осознаваемых невербализуемых аргументах и обращаясь к экзистенциальным переживаниям, так и продолжают по-прежнему это делать.

Отсюда следует, что в мире человека есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. В этих сферах протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения невозможно преодолеть обоснованными доводами: они не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой.

Фундаментальный вопрос, на который должна ответить психологическая наука, заключается в следующем: почему не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими? По А.В. Брушлинскому, неосознаваемые психические явления – это важные составляющие внутренних условий развития субъекта [3]. О.К. Ти-

хомиров, обсуждая теоретические проблемы исследования бессознательного, писал, что, например, “психология личности не может развиваться без интенсивного изучения и неосознаваемых психических явлений, и этим прежде всего определяется значение их исследований в системе психологического знания” [19, с. 39].

Анализируя причины сходства поведенческих реакций, не осознаваемые групповыми и индивидуальными субъектами, можно выделить, по крайней мере, четыре психологических основания поведения людей.

Во-первых, осознаем мы это или нет, хотим мы этого или не желаем, следует признать, что в психике миллионов людей религиозные понятия неразрывно связаны с моральными. В частности, “для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа” [21, с. 32]. Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости/недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия, единичные и массовые убийства и т.п.). Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно [26]. Большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения внес М. Хаузер. Он выступает против рационалистов, считающих, что моральное решение является следствием рассудочного выбора. Хаузер полагает, что “господствующее представление о том, что нравственное решение – результат рассудочного выбора, ведет к ошибочным решениям в сфере политики, права и образования” [21, с. 33]. В защиту правомерности своей позиции он приводит данные проводимого по его программе масштабного кросскультурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно приходят к очень похожим выборам.

Во-вторых, анализируя причины удивительно-го сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не упомянуть о “коллективном бессознательном” К.Г. Юнга. Однако, к сожалению, из-за метафоричности и невозможности научного доказательства существования этого феномена как академический психолог я вынужден отказаться от обсуждения этой категории. Несомненно, более научно обоснованными являются представ-

ления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного [14]. Пиаже говорит о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление – ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основными понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются “сенсомоторные схемы” и “операциональные схемы”. Он пишет: “... проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (т.е. принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противостоят идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противостоит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению” [14, с. 128]. По его мнению, осознание – это следствие реконструкции на высшем – сознательном уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем – бессознательном уровне.

В-третьих, мысль о том, что идеи “высшего” уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий, получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре [1]. Психолог Ю.И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции, мораль сопоставляется с древними рано сформированными элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы

и правила. “Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур” [1, с. 211]. Пока мораль как недифференцированная и, условно говоря, общечеловеческая система выступает в роли внутреннего регулятора поведения, она бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при попытке вербального оформления невербализуемых моральных правил поведения во внешние нормы “они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Например, отношение к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индальгенция), наличие ситуативной зависимости и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива” [там же, с. 215]. Ясно, что мало-дифференцированные моральные представления противоречат необходимости осознания и принятия моральных норм и образцов. И это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения событий в экзистенциальной реальности, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию.

Наконец, в-четвертых, необходимо конкретизировать еще одну гносеологическую составляющую ответа на вопрос: почему на сожжение Корана или размещение в Интернете фильма о мусульманах у тысяч или даже миллионов людей возникают очень похожие реакции? Конкретизация состоит в указании на то, что подобные реакции всегда имеют intersubjectный характер, потому что являются поведенческим проявлением имплицитного intersubjectного содержания экзистенциального опыта людей. Сегодня, исследуя сознание и бессознательное, психологи ищут истоки их формирования не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противопоставлен объектам, событиям и ситуациям

реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию.

Характерно, что имплицитное содержание экзистенциального опыта включает неосознаваемые элементы не только бессознательного, но и надсознательного. Во второй половине XX в. М.Г. Ярошевский считал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надындивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей – союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным [13].

Следовательно, аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, коллективно-надсознательное являются неперенными компонентами понимания человеком многих проблем, особенно экзистенциально значимых для субъекта. К таким проблемам относятся, прежде всего, критические ситуации и события человеческого бытия.

ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ КРИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

В фокусе внимания ученых, ориентированных на исследование психологии человеческого бытия, оказываются события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования (при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти, принятии жизненно важных решений). Критические события в жизни каждого человека имеют очень значимый субъективный смысл. Предметом моих эмпирических исследований в течение последних десяти лет был психологический анализ понимания людьми ненормативных критических событий человеческого бытия. Основной замысел состоял в том, чтобы осуществить анализ событий, имеющих отношение ко всему периоду онтогенеза человека – от рождения до смерти: понимание моральной допустимости абортов, террористической угрозы, эвтаназии. Кратко опишу самые значимые результаты исследований.

Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов. На выборке москвичей и смолян анализировались психологические и социально-демографические факторы, от

которых зависит понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости абортов: пол, возраст, регион проживания, личностные характеристики, представления о начале жизни, наличие или отсутствие детей, индивидуальная религиозность. В эмпирическом исследовании, проведенном на 306 испытуемых, изучались связи между мировоззренческими установками, личностными свойствами людей и психологическими особенностями понимания проблемы: что именно испытуемые понимают под “абортами”, как оценивают совершающих их женщин и как относятся к процедуре прерывания беременности. Показано, что женщины считают аборт оправданным в большем количестве ситуаций, чем мужчины; чем люди старше, тем чаще они оценивают аборт как право женщины и реже рассматривают его как преступление. Испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма считают аборт допустимыми в большем числе ситуаций, чем испытуемые, у которых эта характеристика личности выражена меньше. Верующие склонны отвергать идею аборта в большей степени, чем испытуемые с низкими оценками своей религиозности.

Понимание и переживание террористической угрозы (ТУ). Проанализированы психологические и социально-демографические факторы, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы. В эмпирическом исследовании, проведенном на 698 жителей Саранска и Смоленска, показано: 1) у женщин и молодых испытуемых индексы переживания террористической угрозы выше, чем у мужчин и взрослых; 2) предикторами общего индекса переживания являются личностная тревожность, макиавеллизм и способность контролировать ситуацию; 3) понимание ТУ тревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах терактов; 4) макиавеллисты понимают теракты как универсальные манипулятивные способы решения задач, достижения целей; 5) испытуемые с высокой способностью к контролю поведения подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей.

Понимание и переживание москвичами террористической угрозы. Проведен сравнительный анализ психологических и социально-демографических факторов, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы москвичами до и после взрывов на станциях метро “Лубянка” и “Парк культуры” 29 марта 2010 г. В эмпирическом исследовании, проведенном на двух группах испытуемых (212 и 222 чел.), показано: 1) сразу после взрывов индексы пережива-

ния террористической угрозы повысились; наиболее высокий он у женщин, наименее – у юношей; 2) юноши и девушки лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем мужчины и женщины; 3) опасность стать жертвой теракта сильнее переживают не те, кто узнал о взрывах в метро из СМИ, а либо те, кто сами оказались свидетелями трагедии, либо их родственники или знакомые; 4) до взрывов понимание испытуемыми террористической угрозы было сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах терактов, их неизбежности и трагических последствиях, после взрывов наблюдалось больше рациональных попыток осмысления современного терроризма, когнитивного понимания, репрезентации и антиципации осознаваемого уровня реальности угрозы.

Активная и пассивная эвтаназия: как ее понимают россияне. На примере жителей Смоленска и Самары показаны связи между мировоззренческими установками, личностными свойствами людей и психологическими особенностями понимания ими дилемм, описывающих эвтаназию. В исследовании показано, что люди, верящие в Бога, в меньшей степени согласны с эвтаназией, чем неверующие. Обосновано также, что испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысловых ориентаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование психологии человеческого бытия стало возможным только на основе психологии субъекта А.В. Брушлинского. Основной целью ученых, работающих в этой области психологической науки, является анализ смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества. Как показано выше, особую роль в указанных контекстах играет экзистенциальный опыт. Психология человеческого бытия основана не на субъектно-деятельностном, а на субъектном подходе. Не удивительно, что в фокусе внимания исследователей чаще всего оказывается не субъект деятельности, а субъект развития и субъект жизни.

Итак, научное наследие Андрея Владимировича Брушлинского в современной психологии находит свое продолжение: его идеи являются животворным источником порождения интересных мыслей и развития новых направлений психологического познания. Некоторые из них уже нашли

свое творческое воплощение в психологии человеческого бытия, другие еще ждут встречи с молодыми креативными учеными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 2009.
2. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 9–30.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
4. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.
5. Гришина Н.В. Человек как субъект жизни: ситуационный подход // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 161–172.
6. Знаков В.В. Психология человеческого бытия – одно из направлений развития психологии субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 2. № 2. С. 69–77.
7. Знаков В.В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.
8. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004.
9. Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: Издательство РАО, 2011.
10. Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 14–23.
11. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
12. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
13. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 80–98.
14. Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125–131.
15. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 78–87.
16. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
17. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта (2-е изд.). Смоленск: Универсум, 2003.
18. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
19. Тихомиров О.К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 31–39.
20. Харламенкова Н.Е. Субъект и парадоксы его развития // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 255–266.
21. Хаузер М. Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
22. Шамионов Р.М. Субъект и личность в процессе социализации // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 199–210.
23. Эшттейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
24. Coates J. "My mind is with you": story sequences in the talk of male friends // Narrative Inquiry. 2001. V. 11. No. 1. P. 81–101.
25. Nucci L. Morality and the personal sphere of actions // Values and Knowledge / Ed. by E. Reed, E. Turiel, T. Brown. Hillsdale, NJ, 1996. P. 41–60.
26. Waldmann M.R. A case for the moral organ // Science. 2006. V. 314. P. 57–58.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR PSYCHOLOGY OF HUMAN BEING

V. V. Znakov

Sc.D. (psychology), professor, principal research officer, Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow

The resumes for psychology of human being formation based on A.V. Brushlinsky's psychology of subject are presented. Five-component structure of this sphere of psychological science and its main methods – narrative and thesaurus modes of events understanding are described. Significant role of subject's existential experience is revealed; its three-component structure and metasystem organization are described. The results of researches of subject understanding of critical events in human being are presented.

Key words: A.V. Brushlinsky, psychology of subject, psychology of human being, understanding, existential experience.